

Амельченко С. Н.

**ПРОБЛЕМА ДОЛЖНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ
МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/2/44.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 2 (2). С. 102-104. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Список использованной литературы

- Антология мировой политической мысли: В 5 т. - М., 1997. - Т. 2.
Большевистское руководство. Переписка 1912-1927. Сборник документов. - М., 1996.
Бухарин, Н. И. Проблемы теории и практики социализма. - М., 1989.
Вестник агитации пропаганды. - 1922. - № 6.
Коммунист. - 1925. - б/н. - февраль-март.
КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. - М., 1954. - Ч. 1.
Письма во власть. 1917-1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. - М., 1998.
Рабоче-крестьянский корреспондент. - 1925. - № 7.
Рабочий корреспондент. - 1924. - № 5.
Рассел, Б. Практика и теория большевизма. - М.: Наука, 1991.

Раздел II

Философия, теология, культурология, политология и методика их преподавания

ПРОБЛЕМА ДОЛЖНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Амельченко С. Н.

Магнитогорский государственный университет

Социальные преобразования, охватившие нашу страну в конце XX века, сопровождались масштабным переосмыслением жизненных ценностей и приоритетов, поиском нового пути ее дальнейшего развития. В этот период наиболее слышны были голоса тех мыслителей – философов, политологов, социальных технологов и т.д., которые призывали Россию к максимально быстрому сближению с Европой и, говоря шире – западным миром в целом, указывая на привлекательность либеральных ценностей и демократических свобод. Модель культуры, которая утверждалась ими за образец должного бытия, являлась модернистской, а ее носителем – индустриальное общество.

Однако среди интеллектуальной отечественной элиты были и те, кто возражал против этого выбора, и среди них, в частности И.К. Пантин, который заявлял: «Нам предстоит ... не подключение к европейской культуре, а выработка собственного пути с учетом достижений Запада» [Риск... 1999: 21]. Указывая на изменившиеся исторические условия существования человечества и по-своему представляя перспективу дальнейшего развития российской культуры, он пояснял свою позицию таким образом: «Мне кажется, что выбор у нас заключается не столько в “возвращении в Европу”, сколько в поиске и прорыве в новую ситуацию постмодерна» [Риск... 1999: 21].

Возражения известного российского мыслителя имеют веские основания и представляют значительный интерес уже потому, что модель модернистской культуры весьма неоднозначно воспринимается и оценивается в современном мире, так как ее мировоззренческая программа постулирует не только идеалы разума и свободы, но и значимость эффективной самореализации, венчающейся коммерческим успехом, который и становится самым главным показателем состоятельности личности, корпорации, нации в целом. В этом ценностно-смысловом пространстве материальные признаки высокого статусного положения в мире имеют приоритетное значение, оттесняя на периферию человеческого существования духовные идеалы.

Важной особенностью модернистской культуры является универсализм, утверждающий образ западной культуры как единственно приемлемый, которому должны следовать все остальные развивающиеся народы. Логика модернизации, планомерно подчиняющая себе образ жизни народов мира, приводит к распространению единообразного порядка, цивилизационных форм и стандартов, вытесняющих языки традиционных культур, их неповторимую специфику. А. Печчеи заявлял по этому поводу следующее: «Люди начинают все больше опасаться, что в будущем все культуры могут оказаться на одно лицо – причем лицо, как показывает сегоднешний опыт, не слишком уж привлекательное – и что движение к обезличивающей однородности происходит уже сейчас» [Печчеи 1985: 299].

Прагматичная установка субъектов модернистской культуры в преследовании своей выгоды и стремлении к лидерству позволила им рассматривать окружающий мир, в том числе других субъектов и их территории как пространство своих жизненных целей и интересов. В исторической практике это привело к утрате идеалов и нравственных ценностей, обезличению культуры, колониальной экспансии, мировым войнам за рынки сбыта и источники сырья, репрессиям тоталитарных режимов, угрозе глобальной экологической катастрофы, а в последнее время - к захвату рядом ведущих мировых держав регионов, являющихся богатыми источниками сырьевых ресурсов и перспективными плацдармами, на которых формируется доктрина глобального военно-стратегического контроля над всем человечеством и энергоресурсами планеты.

Особенностью этих проявлений модернистской культуры становится то, что их суть маскируется демократической риторикой, мифотворчеством, позволяющим выстроить логическую модель снятия противоречия

между антигуманными событиями, происходящими в реальной действительности, и их облагороженной интерпретацией. В данном случае применяются образы должного – идеалы мира, свободы, справедливости и т.д., которые в своем фактическом применении могут не соответствовать общечеловеческим идеалам и моральным законам, но, будучи использованы в технологиях манипулирования общественным сознанием, позволяют обосновать доминирующее положение отдельных лиц, социальных групп либо наций, что противоречит принципам толерантного сосуществования в современном мире.

Возникшее в современном мире противоречие между должным и сущим настолько очевидно, что это позволяет, пользуясь терминологией В.Н. Порус, говорить не столько о триумфальном шествии свободы по планете, сколько о ее «унижении», а миф о защите демократических ценностей, формируемый трансатлантической идеологией, расценивать как «орудие утонченного рабства» [Порус 1995: 161], использующее тактику двойных стандартов в наведении нового мирового порядка, предназначенного для некоего «золотого миллиарда». На практике это обернулось вспышкой международных конфликтов, которые, по замечанию С. Хантингтона, «возникают тогда, когда государство навязывает собственные ценности людям, принадлежащим другой цивилизации» [Хантингтон 2003: 325]. Анализируя реалии современной действительности, он заявлял: «Универсалистские претензии Запада все чаще приводят к конфликтам с другими цивилизациями» [Хантингтон 2003: 15], что позволило американскому мыслителю говорить о надвигающемся разломе общечеловеческой культуры по границам локальных цивилизаций и в первую очередь между западным и мусульманским миром.

Западная модернистская модель мирового устройства не только вносит коррективы в жизнедеятельность развивающихся стран, используя их экономический потенциал и контролируя происходящие в них процессы через деятельность экспортируемых им институтов демократии. Навязывая свои ценности, модернистская мировоззренческая парадигма способна подвергнуть трансформации сознание традиционных народов и в первую очередь подрастающих поколений, вводя новые основы их самоидентификации, на которых человек, стремящийся стать самим собой, может и пренебречь ценностями своих предков, утратить доверие к окружающим, освободив себя от ответственности перед ними, презрев семейные и другие обязательства, предаваясь беспорядочным сексуальным связям и употреблению наркотиков, самоутверждаясь через насилие и сомнительное с моральной точки зрения поведение. Данные факторы, свойственные западному образу жизни, вызывают решительное сопротивление со стороны приверженцев традиций и «дают повод к притязаниям мусульман и азиатов на моральное превосходство» [Хантингтон 2003: 501], подвигая их к решительным действиям и организации террористических атак.

Потрясения, пережитые человечеством в XX - нач. XXI вв., показали необходимость смены мировоззренческой парадигмы и создания новейшей усовершенствованной модели культуры, в которой были бы преодолены прежние недостатки и устранены источники угроз. Прообразом такой культуры выступил постмодернистский проект, носителем которого в полной мере могло бы стать постиндустриальное общество, вышедшее на авансцену мировой истории во второй половине XX века. Как показывают различные высказывания, появившиеся в этот период постмодернистские и постиндустриальные теории могут быть с определенной осторожностью объединены в общее смысловое пространство, т.к. они преследуют одну цель – обосновать возможности усовершенствования человеческого существования: «Постиндустриальная, посткапиталистическая, постлиберальная, посттеологическая, постгуманистическая – все эти “пост” присоединяются при оценке современных нам условий как постмодернистских» [Taylor 1987: 3].

Постмодернистская культура вызвала множество противоречивых откликов и суждений, свидетельствующих о ее оппозиционном по отношению к модернизму характере и зачастую соответствующих односторонне принятым критериям справедливости. Постмодернистская культура охватывает различные аспекты действительности, из которых складывается мозаика человеческого существования, и не сводится к художественному творчеству и его литературно-теоретической обработке. Тем не менее, особенности искусства постмодернизма, обозначенные в нем идеи проецируются на культуру в целом, являясь демонстрацией нового смыслового пространства. Американский литературовед И. Хассан – один из многочисленных аналитиков постмодернистского искусства, предложил обобщающую классификацию характерных признаков данного художественного направления [Hassan 1994: 47-48]. Обозначенную им неопределенность, незавершенность, фрагментарность, внеканоничность произведения, исчезновение авторской позиции следует рассматривать как приглашение к соавторству, открытость для неисчерпаемой интерпретации, готовность к бесконечному развитию, смену монолога диалогом, устранение любых проявлений деспотизма.

Раскрывая сущность постмодернистской модели культуры, немецкий теоретик В. Велш акцентировал в ней значение идеи многообразия, легитимности различия, возможности иного: «Постмодернизм начинается там, где кончается целое. И он категорически выступает против новых попыток тоталитаризации - так, например, в архитектуре выступает против монополии интернационального стиля или в теории науки – против ригидного сциентизма, или в политике борется с внешними и внутренними претензиями на господство. Кроме того, постмодернизм использует конец Единого и Целого в позитивном смысле, когда пытается упрощить и развернуть вступающее в силу многое в его легитимности и своеобразии. Здесь – ядро постмодерна. Исходя из осознания непреходящей ценности различающихся концепций и проектов ... - постмодернизм радикально плюралистичен» [Welsch 1988: 29-30].

Протестуя против обвинений, адресованных постмодернизму, Д. Гриффин утверждал: «Конструктивный, или ревизирующий, постмодернизм пытается преодолеть мировоззрение модерна, но он не отбрасывает саму возможность мировоззрения, а конструирует постмодернистское воззрение на мир через ревизию предпосылок

и традиционных понятий модерна. Это ... подразумевает новое единство научных, этических, эстетических и религиозных интуиций. Постмодернизм отрицает не науку как таковую, а сциентизм, в соответствии с которым лишь данным современных наук позволено конструировать наше мировоззрение» [Griffin 1988: X].

Таким образом, постмодернистская культура допускает иррациональные положения в построении своих основ, дополнение разумных возможностей человечества его интуицией, защищает высокую значимость наряду с научными иными форм опыта, в том числе религиозного и художественного, утверждает бесконечную многомерность мировой культуры, уникальность каждого ее проявления. Смысл постмодернистской культуры в соединении идеалов и ценностей различных культурных миров, их взаимном обогащении. По мысли Пантина, «ситуация постмодерна оказывается такой ситуацией, когда признаются равноценными различные миры, различные культуры, когда утверждается неустрашимый и позитивно оцениваемый плюрализм разных цивилизаций» [Риск ... 1994: 21]. Именно эта постмодернистская модель наиболее близка России, ее менталитету, богатством и разнообразным культурным традициям, поэтому ее и следует выбрать в качестве должной в процессе дальнейшего развития в мировом универсуме.

Список использованной литературы

1. Печчен А. Человеческие качества. - М., 1985. С. 299.
2. Порус В. Н. Наука – культура – цивилизация // Культура: теории и проблемы. - М., 1995. С.161.
3. Риск исторического выбора России (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1994. № 5. С. 21.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М., 2003. С. 325.
5. Griffin D. R. The Reenchantment of Science, N.Y. 1988. P.X.
6. Hassan I. Postmoderne heute // Wege aus der Moderne: Schlussetexte der Postmoderne - Diskussion / hrsg. Von Wolfgang Welsch. – Berlin, 1994. S. 47-56.
7. Taylor M. C. Descartes, Nietzsche and the Search for the Unsayable // The New York Review of Books. 1987, febr. 1. P. 3.
8. Welsch W. "Postmoderne". Genealogie und Bedeutung eines umstrittenen Begriffs // "Postmoderne" oder der Kampf um die Zukunft / Hrsg. v Peter Kemper. Frankfurt a. M., 1988. S. 29-30.

ТЕМА ДРУГОГО В ФИЛОСОФИИ Ж.-П. САРТРА

Афанасьевский В. Л.

Самарский государственный экономический университет

Проблема Другого (и интерсубъективность как ее аспект) связана с открытием в XX веке нового измерения философского опыта - плюрализма мышления. Плюрализм - несводимость многообразия культур и мыслительных навыков к единому Абсолюту, из которого все они могли бы быть адекватно объяснены. Кризис европейской культуры и классического образа мышления приводит в XX веке к осознанию того, что традиционная схема «центр-периферия» перестает продуктивно работать. Центром считалось европейское человечество с его идеалами нормы и разума. По отношению к этим идеалам все прочие цивилизации и формы мышления (безумие, бессознательное и т.д.) считались «периферией», которую нужно определить по отношению к разуму и норме. Все, не укладывающееся в рамки рационального мышления, считалось несовершенным, или вообще изгонялось из сферы анализа. Снятие оппозиции «центр-периферия» привело к поиску новых путей философского мышления. Таким образом, первый и самый общий смысл Другого можно сформулировать так: **Другой - это другая культура, другие формы мышления, которые я не пытаюсь объяснить по аналогии с привычным мне миром, а стараюсь постичь как нечто новое, до конца никогда не понимаемое.** Философы XX века осознают, что у Другого столько же прав на существование, как и у меня. Теперь нет ни центра, ни периферии - все уравнивается в своих возможностях и Разум - не единственный судья, а один из многих..

Это положение дел имеет свою историю и свои последствия. Именно классическая философия породила импульс и нерв философии современной: разьединенность Духа (разума) и действительности. Этот разрыв достиг своего апогея в тезисе Гегеля: «Все действительное разумно, все разумное действительно». Но ход мировой истории постоянно опровергал этот оптимизм. Оказалось, что реальность неподвластна разуму и не покрывается рациональными схемами. Здесь можно выделить еще один смысл **Другого - это реальная действительность, в своей инаковости не постижимая рациональным мышлением:** «...согласно рационалистической философии, человек способен разумно строить свое поведение и общественные отношения... Но капиталистическое развитие ежедневно и ежечасно показывало, что реальный исторический процесс не подчиняется рациональным схемам,... что он стихийно вырывается из-под их контроля... Вполне законен поэтому следующий недоуменный вопрос: почему мир не ладится, никак не воплощается в форме разумной организации... Острое переживание разрыва духа и действительности наложили отпечаток на всю классическую культуру и особенно на ее зрелые формы» [Мамардашвили, Соловьев, Швырев 1996: 389]. Последствия открытия плюрализма мышления можно описать на примере современной литературы. Если абсолютной инстанции смысла не существует, то интеллектуал или художник не находятся в привилегированном положении по отношению к массовому потребителю. **Художнику в той же мере недоступен Абсолют, что и массе.** Продукт духовного производства и продукт массового потребления уже не вписываются в схему «верх-низ», где первый относился к высокой культуре, а второй - к низкому жанру. Теперь рекламный ролик или видеоклип ничем не хуже интеллектуальных шедевров У. Эко и Дж. Фаулза. Фабульный уровень последних сде-